

RU

Прагмемы как инструмент манипуляции сознанием в английских медиатекстах: роль в распространении русофобской идеологии

Малявин С. Г.

Аннотация. Цель исследования – выявить манипулятивный потенциал оценочных единиц прагмем, применяемых англоязычными средствами массовой информации для воздействия на сознание аудитории с целью распространения русофобской идеологии. В статье рассматриваются следующие понятия: «дискурс», «русофобский дискурс», «прагмема», «речевое воздействие», «манипуляция», «скрытая манипуляция». Приведена классификация прагмем. Для иллюстрации их функционирования в контексте русофобских высказываний представлены примеры из англоязычных СМИ с анализом оценочной лексики. Научная новизна работы заключается в том, что прагмема впервые рассматривается с двух позиций: как маркер русофобского дискурса в англоязычных СМИ и как инструмент манипуляции сознанием аудитории. Таким образом, исследование имеет междисциплинарный характер. Результаты исследования свидетельствуют о том, что прагмемы являются мощным инструментом когнитивного и дискурсивного воздействия, активно используемым англоязычными средствами массовой информации для формирования негативных стереотипов о России и русском народе. Прагмемы играют значительную роль в конструировании идеологических установок аудитории и формировании общественного мнения, предопределяя восприятие России на глобальном уровне.

EN

Pragmatic units as a tool for manipulating consciousness in English media texts: the role in spreading anti-Russian sentiment ideology

S. G. Maliavin

Abstract. The aim of the study is to identify the manipulative potential of evaluative units, specifically pragmatic units, used by English-language mass media to influence audience consciousness with the goal of disseminating anti-Russian sentiment ideology. The article examines the following concepts: "discourse", "anti-Russian sentiment discourse", "pragmatic unit", "speech influence", "manipulation", and "covert manipulation". A classification of pragmatic units is provided. To illustrate their functioning in the context of anti-Russian sentiment statements, examples from English-language media are presented with an analysis of evaluative vocabulary. The scientific novelty of the work lies in the fact that the pragmatic unit is considered for the first time from two perspectives: as a marker of anti-Russian sentiment discourse in English-language media and as a tool for manipulating audience consciousness. Thus, the research is interdisciplinary in nature. The results of the study indicate that pragmatic units are a powerful tool of cognitive and discursive influence, actively used by English-language mass media to form negative stereotypes about Russia and the Russian people. pragmatic units play a significant role in constructing the ideological attitudes of the audience and shaping public opinion, predetermining the perception of Russia at a global level.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что в связи с усилением влияния языка средств массовой информации и распространением русофобской идеологии в странах Запада, возникает потребность в изучении прагматической стороны высказываний англоязычных СМИ. Одним из аспектов изучения прагматики является прагмема. Такого рода исследования позволяют не только изучить специфику лексического уровня русофобского дискурса, но и определить возможные инструменты воздействия, используемые англоязычными СМИ с целью популяризации антироссийских идей в обществе.

Для достижения поставленной цели исследования требуется решить следующие задачи:

- определить сущность «руссофобского дискурса»;
- раскрыть значение термина «прагмема» и представить классификацию прагмем;
- проанализировать понятия «манипуляция» и «скрытая манипуляция»;
- выделить основные приемы манипуляции в англоязычных медиатекстах;
- продемонстрировать использование прагмем в контексте руссофобских высказываний англоязычных СМИ.

Материалом для исследования послужили электронная версия американской ежедневной газеты The New York Times (<https://www.nytimes.com>), новостные ресурсы CNN (<https://edition.cnn.com>) и BBC (<https://www.bbc.com>). Исследование охватывает материал с 2020 по 2025 год.

Теоретическую базу составляют работы, посвященные руссофобии как идеологии (Ильин, 2007; Кара-Мурза, 2020; Никитин, 2017; Неменский, 2014), высокому прагматическому потенциалу прагмем (Эпштейн, 1996; Маркелова, 2013), понятию «манипуляция» (Доценко, 1997; Лазарев, 2017; Кара-Мурза, 2007), дискурсивному анализу, где особое внимание уделяется манипулятивным стратегиям (Фуко, 1972; Дейк, 1997), теории речевого воздействия и манипуляции (Стернин, 2012); приемам манипуляции в медиатекстах (Молодыхенко, 2011).

Справочные материалы: словари английского языка *Oxford English Dictionary* (<https://www.oed.com/?tl=true>), *Merriam-Webster Dictionary* (<https://www.merriam-webster.com/>), В. К. Мюллера (Мюллер В. К., Дашевская В. Л., Каплан В. А. Новый англо-русский словарь. Изд-е 7-е, стер. М.: Русский язык, 2000).

Для достижения поставленной цели и решения задач в данной статье применяются методы дефиниционного анализа (при определении терминов «дискурс», «руссофобский дискурс», «прагмема», «манипуляция», «скрытая манипуляция»), классификации (при классификации единиц оценочной лексики), сравнительно-сопоставительный (при установлении отношений между прагмемами); индукции (в выводах о том, что прагмемы являются некими маркерами руссофобского дискурса).

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования материалов для выработки стратегии предвидения возможной манипуляции сознанием со стороны СМИ, которые используют прагмемы для выражения своей субъективной позиции относительно тех или иных событий в мире. Материалы исследования могут быть использованы в вузах гуманитарного направления при изучении спецкурсов и спецсеминаров по медиаманипулированию.

Обсуждение и результаты

В современном мире язык является не только средством коммуникации, но и инструментом формирования идеологических взглядов и социальных установок. В этом контексте особое внимание привлекает феномен руссофобии, который все чаще рассматривается не как индивидуальная психологическая установка, а как результат дискурсивных практик. Одним из ключевых дискурсивных факторов является влияние идеологии на язык. Язык в данном случае не просто отражает реальность, но и формирует ее, создавая определенные нарративы и закрепляя их в массовом сознании. Идеологически заряженный дискурс способен конструировать образ «другого» или «врага», влияя на общественное восприятие целых народов и культур. В случае руссофобии это проявляется в систематическом использовании языковых средств, подчеркивающих негативные характеристики России и русских.

Руссофобия, выраженная в языковых формах, – явление не новое. В разные исторические периоды она приобретала различные оттенки в зависимости от политического контекста. Например, в XIX веке европейская пресса формировала образ России как «отсталой деспотии», в период холодной войны акцент сместился на противостояние «свободного мира» и «коммунистической угрозы», а в XXI веке дискурс руссофобии адаптировался к новым реалиям глобальной информационной войны.

Рассматривая понятие «руссофобский дискурс», прежде всего необходимо определить понятие «дискурс» и «руссофобия». Существует множество определений термина «дискурс». В нашей работе мы следуем определению дискурса, предложенному Ю. С. Степановым: «...особое использование языка... для выражения особой ментальности и особой идеологии; особое использование влечет активизацию некоторых черт языка и, в конечном счете, особую грамматику и особые правила лексики» (1995, с. 37-38).

Феномен руссофобии широко обсуждается в отечественной литературе (Ильин, 2007; Кара-Мурза, 2007; Никитин, 2017; Рябова, 2022). Многие исследователи считают, что руссофобия – это не только «проявление негативных чувств в отношении России и русских», но и довольно цельная идеология, представляющая собой «особый комплекс идей и концепций, имеющий свою структуру, свою систему понятий, свою историю и типичные проявления» (Неменский, 2014, с. 4).

Очевидно, что руссофобия определяется не психологическими, а дискурсивными факторами. Это подтверждается исследованиями, в которых акцент сделан на прагматику языка и когнитивный анализ. Дискурсивные факторы представляют собой влияние идеологии на язык. В этом контексте можно говорить о существовании специфического «руссофобского дискурса» – особого подъязыка с характерным набором языковых средств, направленного на распространение и закрепление руссофобской идеологии.

По нашим наблюдениям, прагмемы – одно из продуктивных средств руссофобского дискурса в англоязычных СМИ. Продуктивность прагмем в руссофобском дискурсе объясняется их высоким аргументативным потенциалом. Как средство оценивания они позволяют говорящему эффективно представлять объект речи

по критерию соответствия или отступления от той или иной нормативной ситуации, тем самым оказывать влияние на сознание (Карасик, 1992).

Следуя М. Н. Эпштейну (1996), по способам оценочного использования можно выделить три категории слов. К первой категории относятся слова, в структуре которых отсутствует какой-либо оценочный компонент. Ко второй категории принадлежат слова, которые сами по себе выражают оценочное суждение, но не имеют предметной отнесенности. К третьей категории принадлежат те, предметное и оценочное значение которых неразрывно связано. Наибольший прагматический потенциал имеют слова третьей категории, которые М. Н. Эпштейн (1996) именуется прагмемами. Одной из главных предпосылок к изучению прагмем была концепция, предложенная А. А. Потебнёй (2024). В соответствии с ней в структуре значения слова существует внутренняя форма, а именно та, которая отражает семантическую и структурную мотивацию. Данное утверждение фактически предопределяет исследование прагматического аспекта значения слова (Потебня, 2024).

Термин «прагмема» был введен в работе М. Н. Эпштейна (1996) «Идеология и язык (Построение модели и осмысление дискурса)». В этой работе прагмемы определяются как слова, соединяющие в своей лексической семантике значения предметности и оценочности: предметность – отношение слова к обозначаемому денотату, оценочность – отношение говорящего к денотату (Эпштейн, 1996, с. 9–20). Из выводов, сделанных в работе В. И. Карасика (1992), видно, что лексическое поле пейоративных лексем в английском языке достаточно обширное. Пейоративные лексемы в английском языке употребляются применительно к любому качеству человека и его поступкам, достаточно лишь, чтобы говорящий считал, что объект оценки был несостоятельным в том или ином отношении к некоторой норме: в отношении ума, воли, профессии, национальности, возраста и пр. (Карасик, 1992, с. 26–27).

Как утверждает М. Н. Эпштейн (1996), прагмемой является та лексическая единица, которая оценивает собственную предметность и, в то же время, опредмечивает собственную оценочность. Следуя Л. А. Новикову (2001), прагмемы – специфические выражения оценки обозначаемого с помощью маркированных единиц. Таким образом, прагмемы реализуют денотативное и коннотативное значение: они называют явления внеязыковой действительности, а также выражают отношение говорящего к нему.

Как уже было сказано, одним из составляющих прагмем является оценочный компонент. В дискуссиях о видах оценочной модальности выделяют две категории: абсолютную и сравнительную. Так, первая группа основана на противопоставлении «хорошо/плохо», в то время как вторая – «лучше/хуже». Е. М. Вольф (2002, с. 15) утверждает, что к категории абсолютной модальности относится оценка одного объекта, в то время как в сравнительной происходит оценка нескольких состояний одного объекта. Если абсолютная оценка содержит имплицитное сравнение, которое основывается на социальных стереотипах, то сравнительная оценка основана на сопоставлении объектов друг с другом. В зависимости от субъективных и объективных факторов зависит языковое содержание оценочного предиката. Если субъективный компонент оценки предполагает выражение положительного или отрицательного отношения субъекта оценки к ее объекту, то объективный компонент оценки обусловлен характеристиками самого предмета или явления (Вольф, 2002, с. 23). Главное отличие двух компонентов оценки состоит в том, что при субъективном компоненте оценки приписываемый объекту признак ему не принадлежит. Он является результатом оценочной деятельности сознания субъекта.

Следуя А. П. Савиной (2014), сильная эмоциональная составляющая является сущностью прагмемы. В свою очередь, эмоция первостепенна для прагмемы и является основой акта оценки. Эмоции позволяют дифференцировать все внешние обстоятельства человека на положительно-ценные и отрицательно-ценные (Савина, 2014). Отсюда следует, что именно эмоции становятся отправной точкой для выбора лексемы, характеризующей некий объект действительности или явление как положительное или отрицательное. Однако полное исключение объективных свойств предмета из составляющих оценки в случае с прагмемой невозможно, хотя стоит отметить, что иногда судить о них сложно.

Уникальность прагмем заключается в том, что они сочетают как субъективные, так и объективные факторы. Следуя М. Н. Эпштейну (1996, с. 22), данное свойство прагмем наиболее заметно в случае с прагмемами, которые связаны «конверсивными» отношениями. Конверсивные отношения, заявляет М. Н. Эпштейн (1996, с. 22), предполагают предметную синонимию при оценочной антонимии. Подобную мысль высказывает и А. П. Савина (2014). Это значит, что одному и тому же денотату говорящий может приписывать различный оценочный компонент. Как утверждает Н. Д. Арутюнова (1998, с. 180), особенность оценки состоит в том, что ценности одновременно обусловлены внешним миром, но также независимы от него. Очевидно, речь идет о субъективности и объективности оценочного компонента. Если говорить о прагмемах, – действительно, используя их, человек выражает определенную оценку предметному компоненту, которая основана на субъективном мнении, но в то же время данная оценка формируется на основе существующей системы ценностей в обществе, некой идеализированной картине мира.

По мнению С. А. Воропаевой (2001), во взаимодействии субъекта и объекта оценки можно выделить еще один компонент – отношение субъекта к объекту, то, которое не зависит от свойств объекта. С. А. Воропаева (2001, с. 37) данные отношения именуется «оценочностью», или «эмотивностью». В свою очередь, Т. В. Маркелова (2013 с. 43) отмечает, что оценочность неотделима от обозначения свойств объекта. Это значит, что, сообщая, казалось бы, истины, говорящий вкладывает некий субъективный оценочный компонент.

Как утверждает А. П. Савина (2014), все существующие прагмемы можно условно разделить на две группы. Так, первую группу составляют сильные прагмемы – слова с сильной степенью оценочности и эмоциональности.

Ко второй группе относятся прагмемы с менее выраженным оценочным компонентом. Оценочность прагмем второй категории основана на опыте носителя языка, который помогает ему соотнести некое явление с общепринятой системой норм и ценностей. По А. П. Савиной (2014), прагмемы различаются по своей словообразовательной природе. Часто компонент оценки исходного немотивированного слова переходит в производное мотивированное слово, сохраняя оценочный компонент. Однако часты случаи, когда нейтральное исходное слово является основой для образования оценочно заряженных прагмем.

Таким образом, прагмемы, обладая мощным оценочным потенциалом, играют ключевую роль в манипуляции сознанием, особенно в контексте распространения русофобской идеологии.

В ряде исследований язык рассматривается как действенный инструмент информационного воздействия, используемый для скрытого влияния на сознание и поведение (Безменова, 1989; Кривошеев, Сафонова, 2022; Медведева, 2020; Озюменко, 2017; Прокопенко, 2020). Следуя авторам, новые медиа являются неотъемлемой частью политической среды. Особое внимание уделяется функциям языка в политическом и медиадискурсе, где язык служит средством легитимации власти, манипуляции общественным мнением и моделирования социальных стереотипов.

Как уже было отмечено, прагмемы, обладая высокой степенью оценочности, используются в медиатекстах с целью манипуляции сознанием аудитории и закрепления русофобских настроений. Далее рассмотрим понятие «манипуляция», исследуя виды манипуляций в контексте русофобских высказываний. Под манипуляцией сознанием С. Г. Кара-Мурза (2020) понимает целенаправленное психологическое воздействие на индивида или общество с целью скрытого управления их восприятием, мыслями, эмоциями и поведением. Манипуляция осуществляется через различные коммуникативные стратегии, включая дезинформацию, искажение фактов, эмоциональное воздействие и подмену понятий, что приводит к формированию заданных установок и убеждений (Кара-Мурза, 2020). Исследуя влияние языка на мышление, включая механизмы манипуляции в дискурсе, Т. А. ван Дейк (2001) определяет манипуляцию как форму скрытого, контролируемого воздействия на сознание, при котором манипулятор добивается влияния на восприятие и поведение людей в своих интересах. Е. Л. Доценко (1997) определяет манипуляцию как скрытое психологическое воздействие, побуждающее человека к действиям или решениям, выгодным манипулятору, при котором истинные цели воздействия остаются неочевидными для объекта. В. М. Лазарев (2017), рассуждая о манипуляции, заявляет, что часто она сопровождается скрытностью, когда истинные намерения манипулятора остаются незамеченными, и манипулируемый человек не осознает влияния на свое поведение.

В исследовании И. А. Стернина (2012, с. 56) четко разграничиваются понятия «речевое воздействие» и «манипуляция». Первое трактуется как осознанное влияние на адресата посредством вербальных средств с целью изменить его взгляды или донести определенную информацию. В то же время манипуляция определяется как скрытая форма воздействия, осуществляемая без осознания этого со стороны адресата и, как правило, противоречащая его интересам и воле. Ключевая особенность манипуляции – ее завуалированность: манипулятор стремится скрыть свои подлинные намерения, тем самым лишая адресата возможности распознать влияние и дать ему критическую оценку. В. И. Карасик (2015, с. 67) подчеркивает, что, если коммуникатор открыто заявляет о своих манипулятивных намерениях, это разрушает общение и приводит к явлению, известному как «иллюзивное самоубийство».

Прагмемы, как особый тип оценочной лексики, играют важную роль в распространении русофобских идей благодаря своей способности выражать оценку, тем самым обеспечивать реализацию скрытой манипуляции через медиатексты. Под скрытой манипуляцией понимается процесс воздействия на восприятие или поведение человека или группы, в ходе которого манипулятор скрывает свои намерения и использует непрямые, зачастую незаметные методы воздействия. Целью скрытой манипуляции является изменение взглядов и решений без осознания манипулируемым лицом самого воздействия. В случае с русофобскими высказываниями главной целью является формирование и укрепление негативного образа России и ее граждан в глазах международной аудитории.

По мнению А. В. Молодыхенко (2011, с. 42), результативность манипулятивных стратегий во многом обусловлена разнообразием используемых речевых ресурсов, их пластичностью и способностью подстраиваться под конкретные особенности коммуникативной ситуации. К ключевым приемам манипулятивного воздействия в медиатекстах относятся селективность, сокрытие значимых сведений, а также преднамеренное искажение фактов или их вырывание из контекста. Примеры ниже демонстрируют функционирование основных приемов манипуляции в контексте русофобских высказываний.

Целенаправленный отбор информации, или селекция, выступает одним из ключевых приемов манипулятивного воздействия в медийном пространстве. Этой проблематике уделяли внимание такие исследователи, как Э. Бернейс (Bernays, 1928), а также Н. Хомский и Э. Херман (Chomsky, Herman, 1988), акцентируя влияние редакционной избирательности на формирование общественного мнения и управление информационными потоками. В рамках медиадискурса селекция представляет собой сознательное выделение определенных сведений при умолчании других, что позволяет конструировать желаемую картину реальности. Журналисты, действуя в интересах редакционной линии, включают в материал лишь те элементы, которые соответствуют заданной нарративной стратегии. Таким образом, механизм селекции базируется на принципе направленной репрезентации фактов.

The Kremlin's forces will try to make further advances in the weeks ahead, and try to carve out a buffer zone along the Ukrainian border (The New York Times. 2024). / В ближайшие недели силы Кремля будут пытаться продвинуться дальше и стремиться вырезать буферную зону вдоль украинской границы (здесь и далее перевод выполнен

автором статьи. – С. М.). В данном примере информация подается как безапелляционное утверждение, лишённое эмпирических или логических обоснований. Такой способ изложения способствует укреплению русофобского дискурса, в котором предполагаемые события будущего воспринимаются не как возможные варианты развития, а как заранее предreshенный и неизбежный исход.

Практика умолчания представляет собой осознанное исключение определенных сведений из медианарратива. В подобных случаях информация, способная вступить в противоречие с идеологическим посылом повествования – в данном контексте, с русофобской риторикой, – преднамеренно опускается. Иногда контент формируется на основе односторонней интерпретации событий, при этом данные, способные поставить под сомнение цельность нарратива, либо искажаются, либо полностью игнорируются. В результате информационное пространство конструируется из элементов, соответствующих заданной концептуальной рамке восприятия действительности.

Some experts say that the Kremlin could use the results of the vote – expected to be a landslide victory for Mr. Putin – to crack down even further on dissent and escalate the war in Ukraine (The New York Times. 2024). / *Некоторые эксперты говорят, что Кремль может использовать результаты голосования, ожидаемого с победой Путина, чтобы еще больше увеличить разногласия и расширить войну на Украине.* Приведенный пример отличается недостаточной аргументацией и отсутствием эмпирической опоры. Во-первых, в тексте не упоминаются конкретные эксперты, что снижает уровень достоверности высказываемых суждений. Во-вторых, не приводятся весомые доказательства, подтверждающие тезис о предполагаемом намерении России расширить конфликт на территории Украины. Очевидно, наблюдается сознательное игнорирование фактов, способных поставить под сомнение правдивость заданного русофобского нарратива.

Одним из распространенных приемов манипуляции в русофобском медианарративе является преднамеренное искажение информации путем использования цитат вне их исходного контекста. Подобные фрагменты, лишённые пояснительного окружения, нередко применяются для формирования ложных интерпретаций, выгодных определенной идеологической позиции. Такой подход позволяет целенаправленно воздействовать на восприятие аудитории, подменяя объективную картину событий субъективно сконструированной.

Trump said earlier this year that he told a NATO-member country that the US would not protect them against a Russian invasion (CNN. 2024). / *Ранее в этом году Трамп заявил одной из стран-членов НАТО, что США не будут защищать ее от российского вторжения.* Данный пример демонстрирует жесткую риторику Трампа в вопросе прекращения военной поддержки странам НАТО в контексте российской агрессии. Однако данное высказывание вырвано из контекста, в котором изначально подчеркивалось условие, при котором США могут приостановить военную помощь странам НАТО. *...if they didn't meet NATO spending guidelines...* (BBC. 2024). / *...если они не будут соблюдать руководящие принципы НАТО по расходам...* Очевидно, вырванная из контекста фраза концептуализирует совершенно другую действительность.

Анализируя англоязычные статьи на предмет использования особых оценочных единиц – прагмем, была установлена высокая частотность их применения в контексте русофобских высказываний. Далее продемонстрируем примеры русофобских высказываний с единицами оценочной лексики – прагмемами. С помощью словарного толкования установим оценочные компоненты прагмем, которые, по нашему мнению, обладают высоким манипулятивным потенциалом.

(1) *Sabotage acts by Russia in Europe are not unknown (The New York Times. 2024).* / *Диверсионные действия России в Европе это уже не ново.* Согласно словарному описанию, лексема “sabotage” определяется как “deliberate destruction, disruption, or damage of property, processes, or activities, especially for political or military advantage” / «преднамеренное уничтожение, нарушение или повреждение имущества, процессов или деятельности, особенно в политических или военных целях»; “an act or process intended to hinder or damage a system, often secretly or deceptively” / «действие или процесс, направленный на подрыв или повреждение системы, часто тайно или обманом путем». Прагмема “sabotage” представляет собой лексическую единицу с ярко выраженным оценочным и агрессивно-конфронтационным потенциалом. Ключевыми семантическими компонентами выступают намеренность, деструктивность, вредительство, скрытность и политическая/идеологическая мотивация.

(2) *Ms. Engqvist called high-level corruption in Russia a feature, not a bug (The New York Times. 2024).* / *Госпожа Энгквист назвала высокий уровень коррупции в России характерной чертой, а не дефектом.* Согласно словарному определению лексемы “corruption”: “dishonest or unethical behavior by those in power, typically involving bribery or the manipulation of power for personal gain” – это «нечестное или неэтичное поведение со стороны лиц, находящихся у власти, обычно связанное со взяточничеством или манипулированием властью в личных интересах»; “the act of corrupting or the state of being corrupt, especially when it involves the abuse of power for personal benefit” / «акт коррупции или состояние коррупции, особенно когда это связано со злоупотреблением властью в личных интересах». Прагмема “corruption” имеет четкую оценочную и негативную коннотацию. Основные компоненты значения: нечестность, неэтичность, злоупотребление властью, мошенничество, подкуп.

(3) *Moscow illegally annexed the Donetsk region in 2022, but does not fully control it (The New York Times. 2024).* / *Москва нелегально присоединила Донецкую область в 2022, но полностью не контролирует ее.* Лексема “illegally” происходит от латинского “*illegalis*” / «незаконный». Согласно словарному значению, определяется как “in a manner that is against the law or unauthorized” / «способом, противоречащим закону или без соответствующего разрешения»; “without legal right or permission” / «без законного права или разрешения». Основные семантические компоненты: нарушение закона, незаконность.

(4) *Mr. Putin will use his unfettered power to make changes he avoided before the vote* (The New York Times. 2024). / *Путин использует свою неограниченную власть, чтобы добиться тех изменений, каких он избегал до выборов.* Слово “unfettered”, согласно словарю английского языка, происходит от англосаксонского слова “fetter”, что означало «цепь» или «связь». В современном английском языке “unfettered” определяется как “not restricted or restrained; free from control or limitations” / «неограниченный или несдерживаемый; свободный от контроля или ограничений»; “not bound by constraints or regulations” / «не связанный ограничениями или правилами». Прагмема “unfettered” имеет четкие оценочные и негативные оттенки в контексте ее использования в различных высказываниях. Основные семантические компоненты: свобода от ограничений, независимость, освобождение от контроля.

(5) *They were prepared for “nastiness” from Russia in response* (The New York Times. 2023). / *Они были готовы к агрессии от России в ответ.* Слово “nastiness”, согласно словарю английского языка, происходит от прилагательного “nasty”, обозначающего грубость, мерзость, злость, отвратительность. Прагмема “nastiness” определяется следующим образом: “the quality of being unpleasant, offensive, or unkind” / «свойство быть неприятным, оскорбительным или недоброжелательным»; а также как “a characteristic of being dirty, mean, or malicious” / «характеристика, заключающаяся в нечистоплотности, подлости или злонамеренности». Эти дефиниции указывают на устойчивую негативную семантику, закрепленную за данным языковым элементом. Основные семантические компоненты: неприятность, вредоносность, злонамеренность, грубость, нечистоплотность.

(6) *Uncertainty is the worst, as much as Russian people are used to uncertainty* (The New York Times. 2024). / *Неопределенность – это настолько плохо, что русские уже привыкли к ней.* Прагмема “uncertainty” определяется следующим образом: “the state of being uncertain” / «состояние неопределенности»; “a situation in which something is not known, or something that is not known or certain” / «ситуация, при которой что-то неизвестно, либо нечто, что неизвестно или не определено». Основные семантические компоненты: отсутствие ясности, надежности или предсказуемости.

(7) *After the war, Finland adopted a form of neutrality, bowing to the Soviet threat* (The New York Times. 2023). / *После войны Финляндия приняла форму нейтралитета, склонившись перед советской угрозой.* Прагмема “threat” определяется следующим образом: “a suggestion that something unpleasant or violent will happen” / «предположение о том, что произойдет нечто неприятное или насильственное»; “someone or something that is likely to cause harm or damage” / «кто-то или нечто, способное нанести вред или ущерб». Основные семантические компоненты: опасность, вредоносность, насилие.

(8) *Russian women in chat forums have complained about harassment* (The New York Times. 2023). / *Российские женщины в этом форуме жаловались на запугивание.* Прагмема “harassment” определяется следующим образом: “behaviour that annoys or upsets someone” / «поведение, которое раздражает или расстраивает кого-либо»; “repeated or continuing unwanted actions, especially those that are threatening or offensive” / «повторяющиеся или продолжающиеся нежелательные действия, особенно носящие угрожающий или оскорбительный характер». Основные семантические компоненты: агрессия, враждебность, принуждение.

(9) *Mr. Putin has turned the exits of major Western companies into a windfall for Russia’s loyal elite and the state itself* (The New York Times. 2023). / *Путин превратил выход больших западных компаний в падалец для российской элиты и самого государства.* Прагмема “windfall” определяется следующим образом: “an amount of money that you win or receive unexpectedly” / «сумма денег, полученная неожиданно, например, в виде выигрыша или подарка»; “a large amount of something good that you receive unexpectedly” / «большое количество чего-либо положительного, полученное неожиданно». Несмотря на свою изначально позитивную семантику, в русофобском контексте прагмема приобретает осуждающее звучание: она указывает на циничное или морально сомнительное обогащение. Основные семантические компоненты: скрытая выгода, эксплуатация конфликта, нажива за счет чужих потерь.

(10) *The G7 meeting comes just weeks after Russia mounted a surprise assault in Ukraine’s northern Kharkiv region* (CNN. 2024). / *Встреча G7 состоялась всего через несколько недель после того, как Россия совершила внезапное нападение на север Украины, в Харьковской области.* Прагмема “assault” определяется следующим образом: “a violent attack” / «жестокое нападение»; “the act of attacking someone violently or physically” / «действие, заключающееся в насильственном или физическом нападении на кого-либо». Основные семантические компоненты: агрессия, насилие, нападение, причинение вреда.

Как демонстрируют примеры, прагмемы активно используются в контексте русофобских высказываний с целью усиления негативных стереотипов о России и ее международной роли, а также для манипуляции сознанием аудитории с целью внедрения и закрепления русофобских идей. Таким образом, формируется бинарная оппозиция, в рамках которой Россия репрезентируется как носитель злонамеренности и угрозы, противопоставляемый цивилизованному, морально оправданному и нормативно устойчивому Западу.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам:

1. Русофобский дискурс представляет собой особый подъязык, характеризующийся специфичной лексикой и грамматикой, который выражает русофобскую идеологию и способствует ее распространению.
2. Прагмемы – это единицы оценочной лексики, обладающие мощным манипулятивным потенциалом благодаря своему оценочному компоненту значения. Это позволяет им эффективно влиять на восприятие информации и осуществлять скрытое манипулятивное воздействие.

3. Скрытая манипуляция представляет собой процесс воздействия на восприятие или поведение индивида или группы, при котором манипулятор скрывает свои намерения и использует не прямые, зачастую незаметные методы манипулирования.

4. К ключевым приемам манипуляции в медиатекстах можно отнести селективность информации, сокрытие значимых сведений и искажение информации, которые активно используются в английских медиатекстах с целью создания и поддержания определенного образа России в русофобском контексте.

5. Основные семантические компоненты прагмем в русофобских высказываниях, включающие генерализованную негативную оценку России, русских людей и русской культуры, превращают прагмемы в мощный инструмент манипуляции, направленный на усиление и распространение русофобской идеологии в мире.

6. Высокая частотность использования прагмем в контексте русофобских высказываний свидетельствует о том, что эти лексические единицы являются важным маркером русофобского дискурса.

Перспективой дальнейшего исследования является анализ грамматической стороны русофобского дискурса, в частности, условных предложений, концептуализирующих фрейм «обусловленная неизбежность» в контексте русофобских высказываний. В них предполагается, что если Россия продолжит свою текущую линию поведения (условие), то неизбежно наступят негативные последствия (результат). Что, очевидно, оказывает манипулятивное воздействие.

Источники | References

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998.
2. Безменова Н. А. Речевое воздействие как риторическая проблема // Проблемы эффективности речевой коммуникации: сборник научно-аналитических обзоров. М.: Институт научной информации по общественным наукам, 1989.
3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002.
4. Воропаева С. А. Деривационная типология оценочного значения (на материале суффиксального способа словообразования): дисс. ... к. филол. н. М., 2001.
5. Дейк Т. А. ван. Природа и структура дискурса. М.: Наука, 1997.
6. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: УРСС, 2001.
7. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо; Изд-во Московского государственного университета, 1997.
8. Ильин И. А. О русском национализме и о расчленителях России. М.: Деоника, 2007.
9. Кара-Мурза С. Г. Власть манипуляции. М.: Академический Проект, 2007.
10. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2020.
11. Карасик В. И. Манипуляция как объект семиотического анализа // Язык и культура в эпоху глобализации: сборник научных трудов: в 2 ч. / под ред. Е. В. Белоглазова, И. В. Кононова, Н. А. Алексеева и др. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2015. Ч. 1.
12. Карасик В. И. Язык социального статуса. М. – Волгоград: Институт языкознания Российской академии наук; Волгоградский государственный педагогический институт, 1992.
13. Кривошеев А. А., Сафонова П. А. Роль новых медиа в процессе медиатизации политики // Новые технологии в науке, бизнесе, образовании: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей международной научно-практической конференции (г. Пенза, 27 сентября 2022 г.). Пенза: Наука и Просвещение, 2022.
14. Лазарев В. М. Психология манипуляции: как не стать жертвой манипулятора. М.: Эксмо, 2017.
15. Маркелова Т. В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке: монография. М.: Московский государственный университет печати им. Ивана Федорова, 2013.
16. Медведева Н. Е. Языковая личность в контексте информационного противоборства // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2020. Т. XVII. Вып. 1.
17. Молодыхенко А. В. Сильные позиции начала и конца текста как способ воздействия на адресата // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. 2011. Вып. 22.
18. Неменский О. Б. Русофобия: аналитические обзоры Российского института стратегических исследований / под ред. д-ра социол. наук И. А. Романова. М.: Российский институт стратегических исследований, 2014.
19. Никитин В. С. Русофобия: суть и методы сдерживания. Псков: Псковское возрождение, 2017.
20. Новиков Л. А. Проблемы языкового значения. М.: Российский университет дружбы народов, 2001.
21. Озюменко В. И. Медийный дискурс в ситуации информационной войны: от манипуляции – к агрессии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21. № 1.
22. Потенба А. А. Мысль и язык: избранные работы. М.: Юрайт, 2024.
23. Прокопенко Т. В. Роль социальных медиа в политической коммуникации // Коммуникология. 2020. Т. 8. № 4.
24. Рябова М. Ю. Русофобия как коммуникативная стратегия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 11.
25. Савина А. П. Прагмема как единица оценочной лексики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2014. № 1.
26. Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века: сборник статей. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1995.

27. Стернин И. А. Основы речевого воздействия. Воронеж: Истоки, 2012.
28. Фуко М. Археология знания. М.: Гуманитарная академия, 1972.
29. Эпштейн М. Н. Идеология и язык // Вопросы языкознания. 1996. № 6.
30. Bernays E. Propaganda. N. Y.: Horace Liveright, 1928.
31. Chomsky N., Herman E. Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media. N. Y.: Pantheon Books, 1988.

Информация об авторах | Author information

RU**Малявин Сергей Геннадьевич¹**¹ Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина**EN****Sergei Gennadevich Maliavin¹**¹ Bunin Yelets State University¹ malyavin.sergey@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 13.12.2024; опубликовано online (published online): 25.06.2025.

Ключевые слова (keywords): дискурсивность; русофобский дискурс; скрытая манипуляция; приемы манипуляции; прагмемы; discursivity; anti-Russian sentiment discourse; covert manipulation; techniques of manipulation; pragmatic units.